

Редьярд Киплинг

**Масонская
проза**

Редьярд Киплинг

Масонская проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7583205

ISBN 9785447400378

Аннотация

Редьярд Киплинг хорошо известен российскому читателю, но мало кто знает, что большую роль в биографии и творчестве Киплинга играла его принадлежность к масонству. Кроме четырех рассказов о жизни масонской ложи «Вера и Труд» и судьбах ее братьев, на войне и после нее, из сборника «Дебет и кредит», сюда включены две иронические философские новеллы о приключениях персонажей христианской мифологии в годы мировых потрясений начала XX века.

Содержание

Неизвестный Киплинг	5
Всё для братьев	9
Джейниты	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Масонская проза

Редьярд Киплинг

Переводчик Евгений Кузьмишин

© Редьярд Киплинг, 2019

© Евгений Кузьмишин, перевод, 2019

ISBN 978-5-4474-0037-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Переводчик и составитель Е. Л. Кузьмишин

Москва 2013

Неизвестный Киплинг

Редьярд Киплинг (1837 – 1936) очень хорошо известен российскому читателю, в первую очередь, как автор великолепных детских и «взрослых» произведений колониального жанра. Все читали или, по крайней мере, видели или слышали о «Маугли», других произведениях из «Книг джунглей» и «Сказок просто так», кое-кто читал его романы «Ким», «Свет погас» и сборник «Инвалид жизни», многим знакомы его эпические, героические или напротив – шуточные и написанные в фольклорном духе стихи.

Хорошо знают Киплинга как «певца колониализма», барда «бремени белого человека», бытописателя конфликта цивилизаций, своеобразного историософа и геополитика.

Многие ценят в нем страстного и мудрого поэта – последнего романтика в преддверии наступления крайне неромантической эпохи.

Но мало кто знает или помнит, что немалую роль в биографии и творчестве Киплинга играла его принадлежность к масонству – викторианскому, консервативному, клубному, типично английскому масонству, в котором он неизменно видел огромный потенциал именно как в острове сохранения братства и высокоученого диалога в надвигающемся кошмаре мировых потрясений XX века.

Большая часть жизни Киплинга была связана с журна-

листской и конторской работой в обширных в то время колониях Великобритании – в Индии и Южной Африке. В Ученики масонского Ордена он был посвящен в 20 лет 15 апреля 1886 г. в индийском Лахоре, переведен в степень Подмастерья 6 мая и возведен в степень Мастера – 6 декабря того же 1886 г. Это произошло в ложе «Надежда и Усердие» №782, где, по словам самого Киплинга, вместе с христианами-англичанами собирались местные индуисты и сикхи. Практически сразу Киплинг начал активно писать в масонских журналах Индии и Англии, стал заметным масонским автором, и к концу 1887 г. уже был членом организаций высших степеней – ложи Мастеров Метки и капитула Царского Свода, но что важнее всего – сначала ассоциированным, а затем полноправным членом и даже секретарем старейшей в мире исследовательской лондонской ложи «Quatuor Coronati» (Четверо венценосцев), оплота масонской науки, объединяющего наиболее выдающихся масонских ученых.

Р. Киплинг занимал административные посты в Окружных великих ложах Пенджаба, а затем Бенгали, поскольку переехал в Аллахабад, где и издал свои первые сборники стихов и сказок, сразу завоевавшие популярность у читателей всех возрастов в колониях и метрополии. С 1890 г. он уже вел жизнь популярного писателя в Лондоне и участвовал в работе местных лож. Киплинг не разрывал связей с масонством всю свою жизнь – ее можно фактически месяц за месяцем проследить по отчетам о посещении им лож в Англии,

Индии, Франции, Южной Африке, США, Германии и других странах. Он принимал участие в качестве журналиста в Первой мировой войне, оставил несколько сборников рассказов о ней, получил Нобелевскую премию по литературе, получил множество почетных титулов в масонских организациях всего мира и всего лишь за 10 дней до смерти был вынужден отказаться принять звание почетного председателя «Писательской ложи», потому что явно ощущал приближение смерти.

Среди «масонских» произведений Киплинга первое место занимают его героические баллады «Мой неотесанный камень», «Виндзорская вдова», «Ложа-мать», «Дворец» и другие, продолжающие, с одной стороны традицию масонских застольных песен, заложенную Р. Бернсом, а с другой стороны, воплощающие романтические идеалы В. Скотта. Особое место занимает чуть ни единственная получившая в мире известность повесть о масонстве и масонах «Человек, который мог бы стать королем», видимо, не в последнюю очередь потому, что она была гениально экранизирована с Ш. Коннери и М. Кейном в главных ролях.

Но в данном сборнике читателям предлагается впервые познакомиться с рассказами, написанными Р. Киплингом о масонстве и масонах Англии и ее колоний непосредственно после Первой мировой войны, а через речь героев – с их жизнью времен самой войны. Здесь отразились идеалы Киплинга (столь редко реализуемые в нашем мире) в том, что ка-

сается предназначения масонства, его роли духовного стержня и точки сборки для всех свободомыслящих людей добрых нравов и развитого ума. Киплинг вместе с читателем рыдает над искалеченными судьбами героев и жертв войны, воспекает их песней погребальной тризны и вместе с тем – эпическим гимном воскресения и возрождения к счастью.

Кроме четырех рассказов о быте масонской ложи «Вера и Труд» из сборника «Дебет и кредит», сюда включены и две иронические философские новеллы о быте персонажей христианской мифологии в годы мировых потрясений начала XX века.

Е. Л. Кузьмишин

Всё для братьев

Я зашел в зоомагазин купить себе канарейку, и там он впервые заговорил со мной и посоветовал взять птичку поскромнее оперением.

– Цвет – он от кормления зависит, – сказал он. – Если не знаете, чем кормить, он и сойдет весь. Уж извините, но я канарейками много занимаюсь. – И вышел. Я даже не успел поблагодарить его.

Это был человек средних лет с сединой в волосах и короткой темной бородкой, похожий на силигем-терьера в серебряных очках. Уж не вспомню почему, но я запомнил его лицо и голос, и поэтому, через несколько месяцев столкнувшись с ним на мостках, до отказа забитых членами клуба рыболовов, спускавшимися к Темзе, узнал его, обернулся и кивнул.

– Спасибо за совет, тогда, насчет канарейки, – сказал я. – Я им воспользовался.

– Правда? – радостно переспросил он через лежащую на плече удочку. – Отлично! – И толпа оттеснила его от меня.

Где-то через год я заглянул в табачную лавку прочистить намертво забившуюся трубку.

– Так-так-так! И как там ваша канарейка? – воскликнул человек за прилавком. Мы пожали друг другу руки и одновременно продолжили: – А как вас зовут?

Его звали Льюис Холройд Берджес из «Берджес и Сын»,

как я, наверное, уже прочел на вывеске, но сын погиб в Египте. Борода у него, казалось, еще почернела, а волосы еще побелели по сравнению с тем, что было, и глаза немного запали вглубь.

– Так-так-так, – продолжил он. – Надо же, один человек на миллион встречается снова и снова чудесным образом, а остальные вот не встречаются, да? (Потом он рассказал мне, что его сын Льюис погиб и почему его окрестили Льюисом.) Когда человек в годах, что ему остается? Не так и много. Разве что хобби. – Он перевел дыхание. – Мы рыбачили вместе. Ну и с канарейками то же самое. Мы их разводили по цветам, добивались темно-оранжевого окраса. Я потому с вами и заговорил тогда, если помните. Но я всех птичек распродал. Так-так-так. Ну что ж, давайте посмотрим, что у вас там с трубкой.

Он склонился над моей трубкой и приступил к работе уверенными движениями хирурга. В лавку зашел солдат, что-то сказал ему шепотом, выслушал ответ и вышел.

– Ко мне сейчас много солдат ходит, и кое-кто из них принадлежит к Цеху, – сказал мистер Берджес. – У меня сердце разрывается, когда приходится продавать им этот табак. С другой стороны, из пяти тысяч и один-то человек вряд ли по-настоящему знает толк в табаке. Бывает, что разбираются, да, но толка в нем не знают. Вот ваша трубка. Вы бы за ней получше ухаживали, чем раньше. Она того стоит. Во всяком деле нужна последовательность, нужен ритуал. Как бу-

дете мимо проходить, пожалуйста, заходите, всегда буду рад. У меня всегда найдется пара вещей, которые вам могут быть интересны.

Я вышел из магазина, и в груди у меня теплилось чувство, свойственное почти исключительно юности – чувство, что у меня появился друг. Не успел я отойти от двери и пары шагов, как меня окликнул инвалид, спросивший, где тут лавка Берджеса. Кажется, в округе это место пользовалось популярностью.

Потом я снова зашел туда, и еще раз, но только придя в третий раз, я узнал, что мистер Берджес владеет половиной «Экман и Пермит», процветающего предприятия по импорту сигар, перешедшей ему от дяди, чьи дети сейчас живут чуть ли не на Кромвель-роуд. Он сказал, что дядя был из биржевиков.

– А я по призванию лавочник, – продолжал он. – Мне нравится сам ритуал, нравится держать вещи в руках, продавать. Магазин всегда приносил какую-то прибыль, и мне нравится жить своим магазином.

Лавку открыл его дед в 1827 году, но тогда она была совсем другой. Полвека спустя сделали ремонт, и уже потом ничего не меняли. Бурые и красные банки для табака в листьях и пудре с коронами, клеймами и тисненными золотом названиями давно позабытых смесей, полированные табачные бочки «Ороноке», на которых сиживали завсегдатаи, темно-вишневый тяжелый деревянный прилавок, изящные

полки, сигарные ящики с узорами, выложенными из тростника, мельхиоровые весы и голландские латунные пестики и секаторы, – настоящая сокровищница.

– А ведь смотрятся, да? – заметил он. – Вон та большая банка «Бристоля» – вообще единственная в своем роде, насколько я знаю. А вон те восемь баночек для нюхательного табака на третьей полке – это от Доллина, он работал у Уимбла в 40—е годы XVIII века – таких тоже больше не осталось. Вот скажите мне, кто еще из табачников помнит, что такое голландский табак от Романо? Или кто такие Шолтен и Джон Лейн? А вон там – табачная меленка времени Георга Первого, а там – Людовика Пятнадцатого. Да что это я? Тринадцатого, тринадцатого, конечно! В них растирали табак, чтобы получалась совсем мелкая, тончайшая нюхательная пудра. Без них в лавке во времена моего деда не обходились. А на кого все это оставить, ума не приложу – разве что отдать в Британский музей.

Свои трубки – жаль, что не каждый способен их оценить – свои удивительные трубки он хранил в комнате за лавкой, что послужило мне поводом познакомиться с его женой. Однажды утром я снова с завистью осматривал один из его сигарных шкафчиков жакарандового дерева с серебряными замочками и коваными ручками испанской работы, когда в дверь, нарушая нашу уютную идиллию, вошел раненный канадец.

– Ну так, – громко начал он. – Тут у вас верное место?

– Кто дал вам адрес? – спросил мистер Берджес.

– Один человек в Мессине. Но не в том дело. У меня ничего нет: ни дипломов, ни патентов, ничего. Понимаете, я остался ложе должен по взносам семнадцать долларов. Но тот человек в Мессине сказал, что здесь меня пустят и так.

– Ну да, пустят, – сказал мистер Берджес. – Мы собираемся сегодня в семь вечера...

Лицо у незнакомца вытянулось:

– Черт, я же в госпитале лежу, меня не выпустят.

– ... А еще по вторникам и четвергам в три часа дня, – быстро добавил мистер Берджес. – Но вас сначала подвергнут опросу, конечно.

– Ну в этом-то, я думаю, не оплошаю, – раздался радостный ответ. – Ну, до вторника, значит. – И он, сияя, заковылял прочь.

– Кто это такой? – спросил я.

– Я его знаю не больше вашего. Просто судя по всему, он – брат. В Лондоне сейчас полно масонов. Так-так-так. Всем сейчас приходится несладко. Если зайдете вечерком на чай, я потом возьму вас с собой в ложу. Будет ложа наставления.

– С радостью. А что за ложа? – Ведь он до сих пор так и не назвал мне ее.

– «Вера и Труд» №5837, третья суббота каждого месяца. Вообще-то у нас официально собирают ложу наставления каждый четверг, но теперь мы собираемся все вместе почаще, потому что в городе очень много братьев, и у нас наплыв

посетителей.

Тут в лавку зашел покупатель, и я оставил мистера Берджеса, и всю дорогу до дома меня не оставляли мысли о разнообразии его увлечений.

К чаю он разоделся как в церковь, и заменил очки в серебряной оправе золотым пенсне. Я мысленно возблагодарил небеса за то, что сообразил переодеться во что-то приличное.

– Да, Цех нам многое дает, – заявил он. – Любой ритуал укрепляет. У людей есть естественная потребность в ритуале. И когда все вокруг летит в тартарары, люди льнут к нему. Я терпеть не могу, если ритуал исполняют небрежно. Кстати, ты не против помочь при опросе, если сегодня будут посетители? Они наверняка будут путаться, но ведь дело не в букве, а в духе, который животворит. Посетителям сейчас уделяют очень много внимания: ты же видишь, сколько их теперь в Лондоне. А приходиться им буквально некуда.

– Какой же ты милый! – сказала миссис Берджес, передавая мужу папку и футляр для фартука с инициалами.

– Ложа за углом, – продолжал он. – Только не возмущайся особо по поводу убранства. Там раньше был гараж.

Насколько можно было разобрать в этой унижительной темноте, мы прошли мимо конюшен и оказались во внутреннем дворике. Мистер Берджес неумолимо влек меня вперед, по пути беспрестанно извиняясь и оправдываясь за все, что мне предстояло претерпеть.

– Ты уж не жди... – продолжал он что-то говорить, когда мы наконец уперлись в дверь и, открыв ее, прошли в аккуратное преддверие, завешенное репродукциями картин на мasonicкие темы. На почетных местах я увидел портреты Питера Гилкса и Бартона Уилсона – отцов системы Эмулейшен, а еще портрет Кристофера Рена работы Кнеллера, тот, где он изображен с вензелем Фитц-Джорджей и левой перевязью королевского герба; еще там был шарж Хогарта на Гилкса и его же издевательская «Ночь», а также галерея Великих Мастеров от Энтони Сэйера и по сей день, в симпатичных рамках.

– Это тоже твоё хобби? – спросил я.

– Это – нет, – улыбнулся он. – За это надо благодарить брата Лемминга.

Он тут же и представил меня старшему партнеру «Лемминга и Ортона», чей грязный крошечный магазинчик и не найдешь, даже если захочешь, но чья слава и чьи слова зато бегут далеко впереди своих хозяев.

– Рамки в этих картинках – лучшая часть, – ответил на мои похвалы брат Лемминг. – В храме еще есть. Пойдем, посмотришь. Там у нас большой Дезагюлье висит, его у нас чуть в Айову не забрали.

В жизни своей я не видел лучше оборудованной ложи. От мозаичного пола до потолочного узора, от занавесей до колонн, от скамей до светильников, от Востока до небольшого резного возвышения для фисгармонии на Западе, – все

было совершенно до мелочей, в деталях и в общем замысле. И я не стеснялся снова и снова говорить обо всем увиденном то, что думаю.

– Я же тебе говорил: я ритуалист, – сказал мистер Бердженс. – Ты только посмотри на резные колосья на спинках кресел Стражей. Так в ложах раньше делали, пока мебельные фабриканты все не испортили. Я их десять лет назад раздобыл у Степни, вместе вот с этим молотком. – Молоток был старинный, из пожелтевшей слоновой кости, явно выпиленный целиком из одного большого бивня. – С Золотого Берега, – добавил он, – из полевой ложи, 1794 года. Видишь надпись?

– Если, конечно, не секрет... – начал я.

– Это всё нам влетело... – с расстановкой произнес брат Лемминг, заложив пальцы в проймы жилета, – в кругленькую сумму в 1906—м, когда мы приступили к строительству. А еще и подрядчик наш, брат Анструтер, по пути вышел из дела. К слову сказать, он мне клялся, что вон тот булыжник – это чистый карьерский мрамор. Я-то сам ничего в мраморе не понимаю. Ну а с начала войны мы сюда вкачали еще более кругленькую сумму, о да. Ну, а теперь нам пора в комнату для опросов, там уже братья собрались.

Он повел меня обратно, но не в преддверие, а в комнатку с ним рядом, разделенную перегородками, по виду напоминающую исповедальню в католической церкви. (Потом мне рассказали, что это и была исповедальня, которую подобра-

ли на свалке у церквушки близ Освестри.) В ней столпилось несколько человек в форме.

– Это только голова очереди, а хвост – в преддверии, – сказал офицер ложи.

Брат Берджес усадил меня в кабинку за перегородку, на последок дав наказ:

– Ничему не удивляйся. Кто только ни приходит.

Это предупреждение было не лишним, потому что первым испытуемым для меня стал беглый пациент офицерского госпиталя на Пентонвилл-вей с перевязанной головой. Простыми словами, да еще и на шотландском диалекте, он осведомился у меня, не жду ли я слишком многого от человека, у которого осталось всего шесть зубов и половина нижней губы. В итоге мы сошлись на знаках. Потом был новозеландец из Таранаки. С ним все было наоборот, потому что у него была только одна рука, да и та на перевязи. Следующему – огромному старшине из тяжелой артиллерии – я не поверил, уж больно у него все от зубов отлетало, а поэтому перенаправил его к брату Леммингу в соседнюю кабинку, а уж там и выяснилось, что он был у себя в стране Бывшим Окружным Великим Офицером. Последний испытуемый, я думал, совсем сведет меня с ума. Он вообще ничего не помнил.

– Не твоя вина, – в конце концов пробормотал он. – Я б сам себя не впустил с такими ответами. Но вот тебе мое слово: если я вообще во что-то верил, то только вот в это. Ради

Бога, дай мне посидеть в ложе, брат.

По окончании опроса офицер ложи обошел всех нас и раздал запоны – никакой бахромы, никаких серебряных нашлепок, лишь атлас с грубыми завязками с кистями и – если смог доказать свое право на них – с жестяными уровнями. Брат передо мной затягивал пояс на напряженно молчавшем человеке в гражданском с шевроном комиссованного.

– Во-о-от, так-то получше будет, – сказал он. Человек в гражданском кивнул.

– Вот ты где! А ну пошел вон! Ты же обещал! Ну-ка давай отсюда быстро! – воскликнул кто-то рядом и замахал руками ему перед забегавшими глазами.

– Да брось ты, пусть посидит, – вступился за комиссованного тот, кто повязывал ему запон, говоривший с сильным австралийским акцентом. – Ты ж видишь, как он обрадовался.

Судя по всему, это был тот контуженный, которого брат Лемминг все-таки пропустил под честное слово приятеля и – что подействовало на Лемминга больше – под угрозой немедленного припадка, чисто от расстройства. Тот радостно поспешил в зал собраний, явно привычный к обстановке.

Мы вошли внутрь, колонной по двое, по традиции, под звуки чудной музыки, исполнявшейся, как потом оказалось, на старинном и знаменитом в округе органе. Нас было не меньше пятидесяти, и потребовалось какое-то время, чтобы все расселись, особенно инвалиды, которых бы-

ло не меньше дюжины – для них принесли и расставили шезлонги. Я сидел между одноногим капралом-военврачом и капитаном территориальных войск, который, по его словам «подрался с миной», чуть не разорвавшей его надвое.

– А недурно органист играет Баха, – заметил он. – Я бы с ним пообщался потом. Я же сам подрабатывал тапером.

– Я вас познакомлю после ложи, – сказал один из местных братьев с заднего ряда, грузный человек с окладистой бородой, как оказалось, окружной врач. – С кем же еще тут обсудить Баха? – И эти двое погрузились в рассуждения о музыке, которые для стороннего слушателя были ничем не понятнее тригонометрии.

В наше время ложа наставления – это, в основном, плац, полигон для упражнений в ритуале. В ней запрещено посвящать профанов и повышать заработную плату, можно только заслушивать зодческие работы и тренироваться в проведении ритуалов. Досточтимый брат Берджес, величественно восседавший на Соломоновом Престоле (впоследствии выяснилось, что его тоже подобрали где-то на свалке), обратился к братьям-посетителям с кратким приветствием, сообщив, как их рады видеть здесь сейчас и всегда, а потом попросил их проголосовать, какую церемонию следует подвергнуть сегодня разбору. После объявления решения он спросил, не желает ли кто-нибудь из братьев-посетителей исполнить обязанности того или иного офицера. Они запротестовали, говоря, что все успели позабыть.

– Вот именно поэтому! – заключил брат Берджес под новые приглушенные бахораскаты органа. Мой капитан-музыкант вздохнул и заерзал на стуле.

– Минутку, Досточтимый сэр, – встал у меня за спиной грузный доктор. – Здесь у нас музыкант, нуждающийся в возможности приложить умение. Да вот только, – продолжил он менее высокопарно, – к органу ведут слишком крутые ступеньки.

– Сколько весит сей брат? – в высшей степени торжественно осведомился брат Берджес.

– Немногим более пятидесяти килограммов, – ответил встал брат. – Только утром взвешивался.

Бывший Окружной Великий Офицер, он же артиллерийский старшина, борцовской походкой пересек храм, взял этот куриный вес на руки и перенес на помост к органу, где тот уселся и, пока местный органист качал мехи, заиграл, внезапно захватив в плен души всех присутствующих и унес их в самые небеса.

Когда посетителей наконец удалось заставить занять офицерские места, началась репетиция церемонии. Брат Берджес запретил членам ложи подсказывать. Посетители должны были делать сами абсолютно все, а потом у них отняли и последнюю надежду, отстранив от ритуала артиллерийского старшину как занимающего слишком высокое положение. Тут они совсем запутались. Одноногий справа от меня хохотнул.

– Нравится? – спросил у него врач.

– Нравится? Да я на седьмом небе! Надо же, снова в ложе, я даже начал всё вспоминать, глядя на то, где они допускают промашки. Веры во мне немного, но всю, что есть – я вынес из ложи. – Заметив меня, он покраснел, как бывает, когда понимаешь, что повторяешь одно и то же одному и тому же человеку несколько раз за вечер. – Да, скрытое аллегориями и раскрывающееся в символах, отцовство Бога при братстве людей, а какого черта еще человеку надо? – Он рассмеялся. – Глядите, глядите! Они ее всю запутали и узлами затянули. Я б и то лучше сделал, хотя у меня нога осталась во Франции. Да, теперь им, наверное, придется все сначала начинать.

Новый органист попробовал сгладить возникшую неловкость очередным прикосновением к нашим ушам ангельских крыльев.

А когда любительская труппа, краснея и пыхтя, все же закончила, она потребовала, чтобы братья местной ложи теперь показали им пример и проделали все сами с начала. Вот тогда я впервые и понял, что такое отточенный до мелочей в каждом слове и жесте ритуал. По окончании мы все зааплодировали, одноногий капрал – громче всех. Для всех это было настоящее откровение.

– Мы очень гордимся тем, как проводим ритуал, а сейчас у нас еще и отличная аудитория, – прокомментировал доктор.

Затем Мастер прочел небольшую лекцию о смысле неко-

торых символов и таблиц, изображения которых были в ложе. Тема была изрядно затасканная, но своим глубоким голосом он словно раскрывал ее заново.

– Удивительно, до чего живучи эти старые прописи, – проворчал доктор.

– Это точно! – украдкой поддакнул одноногий одним углом рта, как школьник на уроке. – Но это те самые прописи, которые нам и в аду на шею навесят. Ты уж мне поверь. Я их в своей жизни столько порвал, что мне можно верить. Тс-с-с! – И он даже подался вперед, чтобы не упустить ни слова.

Между тем брат Берджес коснулся вопроса, который по-разному отражается в ритуале в разных ложах, и попросил братьев поучаствовать в обсуждении.

– Ну вот, например, на Ямайке, Досточтимый сэр... – начал один из посетителей и рассказал, как они делают это у себя в ложе. С разных сторон (и ложи, и мира) разные братья вставали и рассказывали, как принято у них, и когда разгорелась настоящая дискуссия, доктор тихонько передал нам сигареты.

– Вообще-то это нетерпимое нововведение, – пояснил он, обойдя наш ряд и садясь на свободное место капитана-органиста, – но разве может мужчина говорить и при этом не курить? К тому же это всего лишь ложа наставления.

– Да, я за один вечер узнал больше, чем за десять лет! – Одноногий на мгновение отвернулся от стоявшего в центре мрачного прапорщика в шпорах, который рублеными фра-

зами излагал особенности голландского ритуала. Поднялся сизый дым, беседа оживилась, а орган с возвышения тихо благословлял нас всех.

– Просто восхитительно! – сказал я доктору. – Как вам это вообще удалось?

– Все пошло от брата Берджеса. Когда началась война, он стал заговаривать с покупателями, забегающими к нему в лавку. И потом он рассказывал нам, вечно сонным, что ничего люди так не хотят, как посидеть в ложе, просто посидеть и порадоваться, вот как мы с вами сейчас. И оказался прав. Он почти всегда прав. Война многому нас учит. Ложа для человека значит гораздо больше, чем принято думать. Как правильно заметил наш друг справа, иногда бывает так, что масонство – это единственная практическая вера, которая у нас есть, не считая детства. Пусть это звучит банально, но ведь правда, что оно соответствует всему, что мы считаем хорошим и правильным. – Он вздохнул. – А если эта война не показывает всем людям, что они братья, то... то я тогда ганс.

– А откуда к вам приходят посетители? – спросил я.

– Ну, по просьбе Берджеса, я сказал паре ребят в госпитале, что у нас будет ложа наставления и мы будем рады их там видеть. Они и пришли. А потом рассказали своим товарищам. И те тоже пришли. Это было два года назад, а теперь у нас ложа наставления по два раза в неделю и еще дневные репетиции почти каждые вторник и четверг для тех, кто

не может отпрашиваться по вечерам. Да, все это так удивительно. Я и понятия не имел, что Цех столько значит для многих во время войны.

– Я тоже, – признался я.

– Но ведь это естественно, если вдуматься. В Лондоне сейчас, да и во всей Англии, собрались масоны со всего мира, и им некуда податься. Сами смотрите: в неделю у нас в последние четыре месяца бывают в среднем сто сорок посетителей, делим на четыре, и это значит – по тридцать пять братьев за раз. В реестре у нас семьдесят один человек, а на банкеты собираются и восемьдесят четыре. Так что, как видите, у нас тут полна горница людей.

– Еще и банкеты! – воскликнул я. – Они же, наверное, влетают вам в копейчку. А могут братья-посетители...

Доктор рассмеялся:

– Нет. Посетители – не могут.

– Но ведь проведя такой вечер, как сегодня, человек может захотеть...

– Они все так говорят. Никакого с ними сладу. Именно это они всегда нам предлагают, а мы всегда отказываем, а они обижаются.

– Отказываете?

– Дорогой мой, ну чем это тогда кончится? Не могут же они все остаться на банкет? Ну, скажем, сто ужинов в неделю, пятнадцать фунтов, в месяц – шестьдесят, в год – семьсот двадцать. Разве Лемминг с Ортом столько потянут? А

Эллис и Макнайт – видишь там такого длинного худого – они поставщики провизии? А Берджес, как ты думаешь, когда устанет выписывать чеки? Копить-то ему уже особенно не для кого. И у Анструтера то же самое. Ты не думай, если нам что-то нужно, мы не стесняемся просить посетителей помочь, если для работы. Ты же заметил, как мы содержим ложу – все эти литые ручки, подвески, мебель и так далее.

– Не мог не заметить, – подтвердил я. – Порядок, как на корабле, с пола есть можно.

– Ну зайди сюда как-нибудь в будний день посреди дня, гарантирую, увидишь с полдюжины братьев, которые ползают тут на карачках, чистят, моют, натирают все, до чего дотянутся. Я весной вылечил тут контуженного одним лишь тем, что поручил ему следить за подвесками. Он, конечно, чуть номера с них не стер, но зато хоть перестал стрелять по гансам во сне. А если нам нужен человек, чтобы занял престол на Востоке, – ведь по двое дневных работ наш Мастер не выдержит, – у нас выбор из Бывших Досточтимых со всего мира. И кстати, в доминионах оттачивают ритуал гораздо лучше, чем в среднем по Англии, ты это знал? И еще кстати... ой, мы, кажется, закрываемся. Послушай приветствия. Бывает интересно.

По удару молотка мы встали: снова последовали шум и шорох с первых рядов, где сидели инвалиды. Затем артиллерийский старшина хорошо поставленным голосом передал приветствия ложе «Вера и Труд» от братьев своего

тропического округа. За ним говорили другие и разными голосами – от рева до писка. Я расслышал названия «Хаураки», «Иньян-га-Умбези», «Алоха», «Южный Свет» (откуда-то из Пунтас-Аренас), «Ложа Грубого Камня» (представлявший ее ньюфаундленский брат так и выглядел), две или три какие-то там «Звезды», с полдюжины кардинальных добродетелей в разных сочетаниях, территориально расположенных от Клондайка до Калгурли, какая-то полковая ложа с какого-то фронта (ее представлял мой знакомый с перевязанной головой, и я ничего не понял), – и далее везде, разнообразно и запутанно, как сама Империя. В самом конце поднялся шум в задних рядах. Заерзал брат, который до сих пор все время молчал, и его сосед пытался его успокоить.

– Оставь, оставь его! – профессионально резким окриком остановил его доктор, мой сосед. Молчаливый брат дернулся, встал и наконец выпалил что-то нечленораздельное, что не смог перевести даже его приятель. Но тут вперед протиснулся маленький смуглый Бывший Досточтимый Мастер.

– Все в порядке, – сказал он. – Он просто пытается произнести... – И он пророкотал какое-то валлийское слово длиной с ярд. Он пояснил: – Это значит Пемброкские доки, Досточтимый Сэр. У нас и в Уэльсе живут хорошие братья-каменщики. – И молчаливый брат снова кивнул.

Доктор и бровью не пошевелил:

– Бывает. *Hesperie panta fereis*, не так ли? Звезда ведет их домой. Надо будет разузнать потом, что с этим парнем та-

кое. Я знаю, вам музыка безразлична, – продолжил он, – но боюсь, придется еще немного потерпеть. Сейчас будет парадфраза из Михея, наш органист переложил его для исполнения антифоном на два голоса, мы и поем вместо закрытия работ.

То, что последовало затем, смог оценить даже я. Мелодию вели около полудюжины хорошо поставленных голосов, на два голоса, словно спрашивая и отвечая, пока наконец на последних строках к ним не присоединились все.

*О, человек! реку тебе – добро
Есть то, к чему Господь тебя призвал,
Он тебе слушать совесть заведет,
Творить лишь справедливость и закон,
И милосердьем славить его Трон,
Ходить пред Ним смиренно и мудро,
Как всякий вольный каменщик обязан.*

Потом спели еще под тихий аккомпанемент Песнь Ученика, и я заметил, что члены ложи не снимали облачения, пока не пропели:

*И короли, и герцоги, и принцы
С мечами все готовы распроститься.*

Потом они стали медленно переходить в преддверие, где

уже были накрыты столы, под звуки финала:

Самый почтенный закон наш от века:

Вовсе не в месте почет человека.

Брат, оказавшийся моим соседом за столом, приземистый священник, рассказал, что это был «забавный обряд, который кто-то выдумал, уж не вспомню, кто именно», под вдохновением от некой старинной легенды. И вообще, добавил он, масонство представляет собой нечто вроде «интеллектуальной абстракции». Офицер-инженер не согласился с ним и рассказал, как в прошлом году во Фландрии десять-двенадцать братьев провели ложу на руинах церкви, и кроме сотни грубых камней и символов брэнности бытия человеческого, другой мебели там не было.

– Я думаю, вам это пошло только на пользу, – не растерялся священник. – Достаточно одной идеи, без реквизита.

– А я вот так не думаю, – возразил офицер. – Нам стоило большого труда сделать облачения из обрывков обмундирования и маскировочной материи, которые удалось стянуть, а клейноды мы отлили из ржавого металла. Я храню их у себя, они скрасили нам не одну неделю.

– Но вы же были абсолютно иррегулярны и незаконны. У вас хоть был патент? – спросил брат из полковой ложи. – Великая Ложа должна вас...

– Будь у Великой Ложи хоть капля мозгов, – вмешался рядовой через три места от нас, – она бы выдавала полковым ложам во фронтовой зоне патенты с правом перемещения и приставляла бы к ним первоклассных лекторов.

– И что, посвящать ты тоже стал бы всех подряд? – спросил сварливый шотландец.

– Ну если бы попросили... Да пол-армии сразу же вступило бы.

Он покрутил эту идею под тем углом и под другим, и как ни крути, выходило, что при таком притоке новых членов Великая Ложа только радовалась бы доходам.

– Мне тут подумалось вдруг, – задумчиво обронил офицер-инженер, – а ведь я могу разработать полный комплект оборудования для полевой ложи весом меньше сорока фунтов.

– Ошибаешься. Точно тебе говорю. Мы как-то попробовали, – ответил брат из полковой ложи. И они погрузились в расчеты, каждый в своем блокноте, перекликаясь через стол.

Сам же «банкет» был сама простота. Многие ели в спешке, торопясь обратно в госпиталь, но из окружающего полумрака тут же выдвигался еще кто-то из братьев, чтобы занять освободившиеся места. Заходили и те, кто бывал здесь раньше и не нуждался в предварительном опросе. Вбежал и еще один – в каске, португее, ботинки во фландрской грязи, – только что с поезда.

– У меня пересадка здесь на два часа до следующего поезда, – объяснил он, – я и вспомнил, что у вас тут собрание. Боже мой, вот повезло!

– А откуда и куда ты едешь, когда поезд? – спросил священник и получил подробный ответ. Потом он снова обратился к солдату: – Отлично, так что будешь есть?

– Да что угодно. Все подряд. Я теперь до самого Фолкстона на сухом пайке.

Минут десять он набивал живот, не проронив ни слова. А потом, все так же молча, внезапно упал лицом на стол рядом с тарелкой. Священник, ничуть не удивившись, поднял его за ослабевшую левую руку и отвел на кушетку, где солдат немедленно развалился и захрапел. Никто и не обернулся.

– Вы к этому тоже привыкли? – спросил я.

– Ну а почему нет? – ответил священник. – Сегодня моя очередь будить их всех на поезд. У нас строго, в сутане ты, не в сутане – а будь добр неси дежурство.

После этого он снова повернулся ко мне своей широкой спиной и вернулся к обсуждению с братом из Абердина какого-то положения из работ Митилена, позволившего ему развить совершенно новый взгляд на Откровение Святого Иоанна на Патмосе.

А я попал в лапы старшего сержанта пулеметной роты, дамского портного по профессии. Он сообщил мне между делом, что «английские дамы столько же теряют на корсетах, сколько приобретают на других деталях туалета» и что «сам

сатана не спасет женщину, которая носит тридцатишиллинговый корсет под сорокафунтовое платье». Но тут, к моему огорчению, его взял за пуговицу и отвел в сторонку лейтенант его же собственной роты, и он в одно мгновение снова превратился в сержанта.

Я немного походил по преддверию, разглядывая репродукции на стенах и реликвии в застекленных витринах, вполуха прислушиваясь к гулу беседы за столом. Компания мало-помалу редела, пока не осталось всего с дюжину братьев. Мы сдвинули стол и пересели к камину, пока наша фландрская птичка свистела на кушетке в дыру в своей каске, упавшей на лицо.

– Ну как тебе? – спросил доктор.

– Цельный новый мир, – честно ответил я.

– Так и есть. – Брат Берджес убрал золотое пенсне в футляр и снова водрузил на нос серебряные очки. – То есть если немного поднапрячься, именно так и получается. Когда подумаешь, какие возможности открываются здесь перед Цехом, уму непостижимо... – Он уставился на огонь.

– Это точно, – согласился старший сержант задумчиво, – я, в целом, наверное, соглашусь. Масонство может очень многое.

– Как вспомогательное учреждение, но не как замена религии, – вмешался священник.

– Да Господи! Оставь религию в покое на минутку, – пробормотал врач. – Она-то как раз ничем не помогла. Ну изви-

ни, извини, извини.

Священник надулся.

– Камрад! – воздел руки мудрый старший сержант. – Конечно, это не замена религии, но ведь это настоящий план на жизнь. Поглядев на то, что творится на фронте, я теперь в этом убежден.

Брат Берджес отвлекся от своих размышлений:

– В Лондоне нужно открыть еще дюжину... даже двадцать лож, чтобы работали каждый вечер, и не только лож наставления, но и чтобы проводили посвящения. Ведь столько молодежи стремится вступить. Почему же они не могут этого сделать? Они делают всё то, чему мы все время учим. Так-так-так, ну а почему бы нам не сделать то, что мы можем? Какая польза от старого масона, если он не помогает молодым?

– Точно! – сказал старший сержант и повернулся к доктору. – А какая, к черту, польза от брата, если ему не дают помочь?

– Ой, ну пусть будет по-твоему, – устало кивнул доктор. Судя по всему, тот уже несколько раз подходил к нему. Он взял что-то из рук старшего сержанта и положил в карман, снова кивнув. Потом он шепнул мне: – Я был неправ, хвастаясь тебе нашей независимостью. Иногда им удастся настоять на своем. Вот на это, – он хлопнул себя по карману, – мы поедим в четверг. Хотя обычно на дневных работах мы никого не кормим. Сюрприз будет. Ты не стесняйся, главное –

попробуй вон тот сэндвич, с ветчиной, они самые вкусные. – И он подвинул ко мне тарелку.

– Согласен, – ответил я. – Я уже попробовал, штук пять или шесть съел. А потом упустил их из виду, спасибо.

– Рад, что тебе нравится, – раздался голос брата Лемминга. – Я ж их сам кормил, сам лечил... они росли у меня на ферме в Беркшире. Вот этого, например, звали Шарлемань. Кстати, док, мне на следующий месяц привезти еще одного такого же?

– Само собой, – с набитым ртом ответил доктор. – И пожалуйста, немного пожирнее этого. И еще не забудь, что обещал привезти каперсов. Они идут просто нарасхват.

Брат Лемминг кивнул сквозь клубы дыма своей трубки и не спеша приступил ко второму ужину. Между тем священник бросил взгляд на часы, мгновенно выхватил у меня прямо из-под носа с полдюжины сэндвичей, завернул их в промасленную бумагу и осторожно подкрался к спящему на кушетке.

– С ними нужно быть настороже каждый раз, – пояснил доктор. – Кто ж знает, как он будет просыпаться. Нервы, знаешь ли...

Священник на цыпочках пробрался к кушетке и встал за головой солдата, вытянул руку и постучал костяшками пальцев по каске, закрывавшей его лицо. Спящий подскочил, как на пружинах, и начал спросонья шарить вокруг руками в поисках винтовки, а священник отпрыгнул назад.

– У тебя полчаса до поезда. – Священник передал ему сэндвичи. – Давай, шагай.

– Вы все так добры, большое спасибо, – говорил солдат, затягивая негнущуюся портупею. Он отдал честь и пропал во тьме.

– Он кто такой? – спросил Лемминг.

– Да какая разница. Ну не знаю, – равнодушно протянул доктор. – Он тут уже бывал. Какой-то Бывший Досточтимый откуда-то там.

– Так-так-так, – сказал брат Берджес, кляня носом. – Все сделали что могли. Закрывать не пора?

– Интересно, – сказал я, застегивая пальто, – а что будет, если Великая Ложа прознает, что у вас тут творится?

– А что? – поинтересовался Лемминг.

– Ложа наставления открывается три раза в неделю по вечерам и два раза по утрам в ту же неделю, а также в ней едят и спят. Неплохо, конечно, но что-то не припомню такого у нас в регламенте.

– А никто просто не обсуждал еще, – ответил Лемминг, подумав. – После войны обсудим и утрясем. А пока пусть все идет как идет.

– Их же сотни и сотни, – продолжал брат Берджес по дороге домой. – Лондон просто кишит масонами, и им совершенно некуда идти, негде собираться. Ты только подумай, какие открываются возможности! Подумай только, как само масонство могло бы что-то делать для развития масонства

по всему миру! Не подумай, что я брюзжу, но мне иногда кажется, что Великая Ложа проворонила свой шанс, появившийся во время войны, точь-в-точь как и Церковь.

– К счастью для нас всех, брат Тамворт ответит того парня на Кингс-кросс, – сказал брат Лемминг. – А то бы тебе пришлось. Тамворту тоже непросто, он же все время обязан думать, соответствуем ли мы масонским законам. Думается мне, он со дня на день на нас настучит. – Доктор и Лемминг обернулись. – Ну, спокойной ночи.

– Да-да, спокойной ночи. – Брат Берджес взял меня под руку: – На чем я остановился? Ах да, точь-в-точь как Церковь. Но может быть, это просто я такой прожженный ритуалист...

Я ничего не ответил. Я размышлял, как бы мне опередить брата Тамворта и тщательно, обстоятельно настучать на ложу «Вера и Труд» №5837.

Джейниты

*В Винчестере Джейн покоится – Боже, храни ее тень!
Слава Тебе за каждый прожитый ею день,
За каждое слово, за каждую книгу, за каждую строку
в ней.
Сколько стоит Винчестер, мы не забудем Джейн!*

В палате наставления, работавшей при ложе «Вера и Труд» №5837, о которой я уже писал, вечер субботы отводился уборке, на которую приглашались все братья-посетители, и там они работали под руководством дежурного офицера ложи, получая в награду легкий полдник и общение с соратниками.

В тот вечер осенью двадцатого года дежурил Бывший Досточтимый Мастер брат Берджес. Видя, что команда подобралась сильная, он воспользовался этим случаем, чтобы снимать и выколотить все занавеси, вручную вычистить каждый квадратный сантиметр мозаичного пола (каменного, а не тряпчного) , а также начистить колонны, клейноды, орудия труда и орган. Мне выдали на чистку офицерские клейноды – чудные образчики георгианской серебрянойковки, подрастерявшие имперский лоск от постоянного трения об одежду. С ними мне пришлось забраться на возвышение

для органа, потому что мозаичный пол напоминал квартердек линкора вечером перед офицерским балом. С полдюжины братьев уже успели отполировать его до зеркального блеска, свойственного нефам Гринвичской часовни, бронзовые литые капители блистали как золотые, и им отвечали отблесками медные эмблемы на креслах; угрюмый одноногий брат подновлял символы брэнности бытия человеческого, как мне показалось, при помощи румян.

– Я вот как думаю, – остановил он проходившего мимо брата Берджеса, – тут по цвету надо что-то между спелым абрикосом и трубочной пенкой. Мы их так красили в моей ложе – любо-дорого посмотреть.

– Признаться, я никогда не видел, чтобы на *это* наводили блеск, – сказал я.

– Ты еще орган не видел, – откликнулся брат Берджес. – Когда закончат, в него можно будет смотреться, когда брешься. Я поставил там главным брата Энтони, таксиста, ты его видел месяц назад. А с братом Хамберстоллом ты, по моему, не знаком, так?

– Не помню... – замялся я.

– Знал бы – запомнил бы. Он парикмахер у нас теперь, работает где-то на задворках Эбери-стрит. А служил в гарнизонной артиллерии. Дважды подрывался.

– И как, по нему это заметно? – спросил я уже с первых ступеней органного возвышения.

– Не-е-ет, не больше, чем по Лазарю – что он лежал ко-

гда-то мертвым.

Брат Берджес умчался распоряжаться дальше. Брат Энтони, низкорослый, смуглый и сутулый, насвистывал, как юный пастушок, смазывая толстые акациевые панели, которыми был отделан орган ложи, каким-то священным тайным раствором собственного изготовления. Под его руководством Хамберстолл, огромный плосколицый брат, чьи плечи, ребра и бедра наглядно демонстрировали, что Королевская Гарнизонная Артиллерия способна переносить вручную заряды для трехсотого калибра, а глаза были как у озадаченного сеттера, втирал состав в дерево. Я присел на скамейку перед органом и принялся за свое дело, пока бархатную подушку от моей скамьи пылесосили вниз.

– Так, – подытожил Энтони пять минут ожесточенной деятельности Хамберстолла, – наконец-то у нас получается нечто, что и людям показать не стыдно. Теперь давай передохнем, и ты мне доскажешь, что ты там говорил про этого Маклина.

– Да я... я ничего против него не имею, – ответил Хамберстолл. – Ну разве что у него такие барские замашки с рождения... но они наружу не особо и вылезают, пока он не напьется в стельку. Ну совсем в стельку. Когда он просто пьяный, слегка, ну, просто бывает, что валяет дурака. Но как только напьется до состояния риз – все наружу так и вылазит. А когда трезвый, он очень мне хорошо разъяснял, как и что нужно делать официанту.

– Хорошо, хорошо, это понятно, но кой черт тебя дернул возвращаться в траншеи? Ведь тебя комиссовали вчистую, все по-честному, после того, как тот склад рванул под Этап-лем, правда?

– Да ну, комиссовали, не комиссовали, какая разница? Ну не было у меня никаких сил сидеть дома. Мать носится как зайчиха из комнаты в комнату, – а их всего три, – каждый раз, когда «Гота» закладывают вираж над вокзалом Виктории, чтоб отбомбиться, а сестра на следующий день пишет тетушке про это всё страницы на четыре. Я подумал-подумал... это что же, так теперь будет до самого конца войны? Ну уж дудки! Ну и ушел с первой маршевой ротой: в семнадцатом они особо не разбирались, кого брать, главное, чтобы по возрасту подходил, – и я снова оказался на фронте, догнал часть где-то у Лапульёна какого-то. – Хамберстолл помолчал и нахмурился. – А потом я там заболел, ну, плохо стало, мне потом сказали... ну, я доложился, мол, вот, прибыл в расположение, а мой старший сержант на батарее и говорит, что меня уж и не ждали назад, ну и там слово за слово, – короче, послали к майору, а майор... ну вот, отлично, скоро и свою фамилию забуду...

– Да не бери в голову, – перебил Энтони, – давай дальше, по ходу разговора вспомнишь.

– Момент... Ну вот же, на языке вертится...

Хамберстолл отбросил в сторону тряпку и, сдвинув брови, погрузился в глубокие раздумья. Энтони обернулся ко мне

и внезапно разразился живым и веселым рассказом, как его такси на днях занесло метра на три по грязи и оно врезалось в парапет Мраморной Арки.

– Машину сильно повредил? – спросил я.

– Да не особо, рама, болты, подвеска – все нормально выдержало, она поскрипела, конечно, но на кузове ни царапины и ничего не отвалилось, ну, ты понимаешь. Ведь тут сразу и не поймешь, пока не началось, едешь себе, а потом – р-р-раз! И понесло башкой вперед. – Он стукнул себя по лбу, показывая, как ударился.

– Итак, твой майор сильно тебя пропесочил? – снова обернулся он к Хамберстоллу, который, медленно покачивая головой, постепенно выходил из ступора.

– Ну, он тоже мне сказал, что меня не ждали и что не мог же он со всей частью ждать меня, пока я вернусь. А еще он мне сказал, что моя «Шкода», гаубица-десятидюймовка, где я был в расчете третьим номером, пока в Этапле склад не взорвался, теперь под завязку забита, а мне места нету. Но, он сказал, как только какие потери – он сразу ко мне. А пока, говорит, побудь официантом.

«Я, конечно, дико извиняюсь, сэр, – говорю, – но я не затем сюда вернулся».

«И я, конечно, дико извиняюсь, Хамберстолл, – говорит, – но уж так вышло, что я тут на батарее начальник. Вы, – говорит, – человек острого ума, а мы в столовой уж и пострадали от официантов-кретинов. С этого момента поступаете

под командование Маклина. Кругом, – говорит, – и шагом марш».

Ну так вот, этот парень, о котором я говорил, Маклин, он мне рассказывал и показывал, что делать... Хэммик! Я ж говорил, что вспомню! Хэммик звали нашего майора. А капитана – Мосс. – Воодушевившись победой над собой, Хамберстолл еще яростнее напал на органныю панель, которую полировал, положив на колено.

– Ты поаккуратнее там, продавишь, – замахал руками Энтони.

– Извиняюсь. Мне еще мать говорила, что я своей силы не чувствую. Но вот что странно. Этот наш майор, я начал вспоминать, был какой-то знаменитый адвокат по разводам, а Мосс, капитан, был главным в Бюро частных детективов Мосса. Слыхали про такое? Ну там, слежка за женами, пока вы в отъезде, и все такое. Эти двое друг с другом постоянно пересекались по работе, были друг о друге наслышаны, а вот только на войне познакомились. Конечно, в столовой у них только и разговоров было, что про нашумевшие дела, в которых они участвовали. Хэммик, бывало, рассказывает все, что происходило в зале суда, прения сторон там, всякое такое, а потом Мосс рассказывает, как все происходило у сторон до суда на самом деле, по гостиницам всяким и так далее. Сроду ничего интереснее не слышал, чем разговоры у нас в столовой, ни тогда, ни потом. Недаром говорят, что в артиллерии все ученые служат.

– Да черт бы их всех побрал! – сказал Энтони. – Если с нами что-то случается, они сразу пишут книжку. А про то, как у тебя грузовик сдох прямо посреди Святой Земли, – про такое никто и не напишет. Умники...

– Ну ладно, – продолжал Хамберстолл, – давай я расскажу про тайное общество, о котором уже начал тогда говорить. Вот эти двое, Хэммик и Мосс, заканчивали, бывало, говорить о своих семейных делах, а я тебе скажу честно – они почти никогда не повторялись, – и сразу начинали обсуждать свое тайное общество в честь какой-то женщины – Джейн. Это единственная женщина в мире, которую они считали достойной доброго слова. По их словам выходило, что Джейн «не такая». Я и не понимал еще тогда, что она – это такое тайное общество. Я и слушал-то их поначалу вполуха, потому что еще слушал, что мне говорит этот Маклин. А вот когда я ей всерьез заинтересовался, – это когда там появился новый лейтенант. Его называли Гусак, уж больно он на него в профиль был похож – ну точно как птица. Он на гражданке был страховым статистиком, высчитывал, сколько людям жить осталось. Ни Хэммик, ни Мосс с ним тогда в столовой и словом не перекинулись. Они продолжили разговор, как ни в чем не бывало, и сразу, или не сразу, не помню, но все равно возвратились к этой Джейн. И тут Гусак наострил свое большое обмороженное ухо и даже пальцами прищелкнул.

«Боже мой! – говорит. – Джейн?»

«Ну Джейн», – отвечает Хэммик, свысока и холодновато

так.

«Слава Тебе, Господи! – говорит тогда Гусак. – Там, откуда я сюда загремел, давали „Пузырьки“ (это спектакль какой-то, что ли) .

Ну, нельзя сказать, чтобы Хэммик или Мосс были уж слишком вежливые или добродушные, но не успел Гусак это договорить, как они уже жали ему руки через стол, это зеленому-то летёхе, и тут же заказали на всех еще портвейна. Это явно был пароль! И они все трое тут же снова заговорили о Джейн, уже без чинов, на равных. Я и прислушался повнимательнее. И вот Хэммик говорит...

– Стоп, минутку! – вмешался Энтони. – А что ты вообще делал в столовой?

– Мы с Маклином крепили тенты для мешков с песком у входа в блиндаж, на случай газов. Никогда же не знаешь, когда они их пустят в траншеи, правда ведь? Но мы знали, что они уже несколько дней готовились, так что решили быть тоже настороже, на всякий случай. Но тут Хэммик и говорит, что, мол, очень жаль, что Джейн умерла, не оставив потомства.

«Не согласен, – отвечает Мосс. – Я утверждаю, что она была весьма плодовита в самом высоком смысле слова!» А уж в чем – в чем, а в этом Мосс знал толк.

«Я склонен согласиться с Хэммиком, – встревает тут Гусак. – В любом случае, она ведь не оставила после себя прямого законного наследника». Из-за того, что произошло по-

том, я весь их разговор запомнил слово в слово. На Маклина я вообще внимания не обращал, а то заметил бы, конечно, что он в стельку. А тут он взял и влез в их разговор, еще и облокотился на снарядный ящик, а у самого лицо как у дохлой селедки, еще и светится.

«Пр-р-аш-шу-у прщения, гспда, – говорит Маклин, – но вы обсуждаете вопрос, в котором я более-менее сведущ. Она оставила законного наследника в лице единственного сына, и зовут его Генри Джеймс».

«От кого? Докажите!» – воскликнул Гусак, не успели старшие офицеры и рта раскрыть.

«А и докажу!» – говорит Маклин и еще большие пальцы им показывает. И заметьте, никто из них и слова ему не сказал! Я уже забыл, кого он там назвал, ну, от кого она родила этого Генри Джеймса, но он перед ними с четверть часа разглагольствовал про эту Джейн. Я это точно знаю, потому что моя «Шкода» тогда каждые десять минут пускала снаряд по траншеям гансов, и от ее выстрелов у нас в блиндаже гасли свечи. А я их снова зажигал. Ну, этот Маклин закончил говорить и как упадет прямо мордой на стол. Прямо вот праздник у человека. Я ж говорил, в стельку!

«Уведите его, – говорит мне тут Хэммик. – Не видите что ли, контузило парня».

Ну, короче говоря, тогда мне это впервые в голову-то и запало. А тебе бы не запало? Да будь Маклин и в чинах у масонов...

– А он не был что ли? – озадаченно спросил Энтони.

– Нет, он говорил, что выше Мастера не поднимался никогда. Но ты себе представь: он разглагольствовал перед старшими офицерами, чуть ли не дураками их обзывал через слово голосом своим барским. Я всё это сам видел и слышал. И всё, что ему сделали, – это приказали мне отнести его в кроватку! И все из-за Джейн! Вот ты бы такое допустил у себя, будь ты начальник? Я бы тоже. На следующее утро, когда у него в животе все улеглось наконец, я зажал его в углу и не отпустил бы, пока он не рассказал, как это у него сработало. Да будь ты хоть трижды барчук, надо же и меру знать. Сперва он отмалчивался, все говорил, что я, мол, недостойн принятия в Общество Джейнитов. Ну, в итоге сошлись на пяти шиллингах – итого он мне оказался должен пятнадцать.

«Давай догоним до фунта, – он мне говорит. – И так цена бросовая. Ты же видел, что я могу командовать всей частью. Ну и?..»

В общем, тут он был прав. И за фунт он мне сообщил пароль первой степени – «Тилни и люки-ловушки».

«Я знаю, что такое люки-ловушки, – говорю, – а что такое это твое Тилни?»

«Слушай, что тебе говорят! – ответил он. – И когда в следующий раз я тебя спрошу, о чем ты думаешь, отвечай, но так, с улыбочкой и хитровато, что думаешь о Тилни и люках-ловушках. Я, – говорит, – тебя об этом спрошу, когда

придет время. А пока держи язык за зубами».

Мы так с ним беседовали, пока он чистил картошку на обед у отвода траншеи под маскировочной сеткой. Боже, как же там воняло краской! Но вообще-то там было неплохо, потому что вышло солнышко и светило сквозь тряпичные листья сетки, и ветер колыхал траву в зеленке. Ну, там то одно, то другое, – в общем, до вечера больше ничего не происходило. Мы вообще-то старались все делать по высшему классу в столовой, да и вообще в части так было принято. Я прислуживал Моссу за столом во время перекуса – обедом я б это не назвал. А Мосс сидел и набивал себе портсигар, потому что ему на дежурство вечером. И тут выходит Маклин из бокового перехода, как будто не видит, что там Мосс сидит, и задает мне свой вопрос. Я ему – ответ, тихонько, но отчетливо, и тоже делаю вид, что на Мосса не смотрю. Мосс как сидел с портсигаром в руке, так и замер, и на меня посмотрел, а потом вытащил полдюжины сигарет, – а у него они были лучшего турецкого табака, – положил на стол и вышел. Я их, конечно, прибрал и разделил с Маклином.

«Видишь? – Маклин говорит. – Работает. И еще скажи теперь, что потратил фунт впустую».

«Да нет, пока нормально, – говорю, – но только если они мне опрос устроят, я поплыву. В этом Обществе Джейн, наверное, еще куча всего, что я не знаю».

«Не просто куча, а кучища, – отвечает. – Но чтоб ты наконец понял, что я человек доброй души, я сейчас посвящу

тебя сразу во все высшие степени джейнитов, со всеми наставлениями. И всего лишь за фунт сверху. Но придется потрудиться, дружок».

– А у тебя этих фунтов, как я посмотрю, куры не клюют, – неодобрительно протянул Энтони.

– А на что тратить-то? Гусак нам говорил, чтоб мы не загадывали на фронте дальше, чем на полтора месяца вперед, я и не загадывал. Но мне тогда пришлось по-настоящему туго, потому что для начала Маклин меня усадил и начал рассказывать все-все про эту Джейн.

– А, так Джейн – это живой человек? – переспросил Энтони, переглянувшись со мной. – А то сразу и не поймешь.

– Еще как живой! – голос Хамберстолла даже задрожал. – Джейн! Это была такая маленькая старая дева, которая написала с полдюжины книжек лет сто назад. Ничего такого особенного в этих книжках, вроде, нет. Уж я-то знаю. Мне их пришлось прочитать. Там ни приключений, ни похабства, да и не особо интересные они. Всё про девчонок лет семнадцати, они тогда все были молодые да ранние, ну, вы понимаете, и всё-то они там не могут решить, за кого им замуж пойти. Ну и всё такое про их балы, игру в карты да пикники, а еще там парни всякие, которые скачут верхом в Лондон, чтобы постричься и побриться. Это в те времена было дело на целый день, если ты привык к одному парикмахеру. А еще у них все аптекари и священники носили парики. Вот это мне было интересно, я же этим сам занимаюсь, да и в ар-

мии каждые полмесяца стриг кое-кого. Маклин надо мной подсмеивался все время за то, что я парикмахер, и отпускал всякие шуточки.

Тут Хамберстолл процитировал кусочек того, что, видимо, считалось у них тогда вершиной остроумной отповеди и завершалось пассажем: «Ты ленивая вшивая надушенная парикмахерша в штанах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.